

!АБСОЛЮТНО ПРАВДИВЫЙ!

ДНЕВНИК

ИНДЕЙЦА

НА ПОЛДНЯ

Шерман Алекси

**Абсолютно правдивый
дневник индейца на полдня**

«Самокат»

2007

Алекси Ш.

Абсолютно правдивый дневник индейца на полдня / Ш. Алекси —
«Самокат», 2007

ISBN 978-5-00167-181-7

Арнольд Спирит Младший живет в индейской резервации Спокан и учится в школе для индейцев. Здесь его бьют и обзывают свои же. За что? Просто за то, что он родился болезненным и непохожим на остальных. Вот Арнольд и сидит дома – и рисует карикатуры и шаржи в ответ на всё, что происходит в его жизни. Но рисование – это еще и возможность вырваться из резервации, где все индейцы давно опустили руки и нашли утешение на дне бутылки. Арнольд хочет лучшей жизни и решает: нужно рискнуть и перейти в школу Риардан, где можно получить хорошее образование и выбиться в люди. Но там он будет единственным индейцем среди белых... Получится ли стать своим среди чужих? В этом наполовину автобиографическом романе Шерман Алекси – коренной американец – рассказал историю своего детства: каково было расти в нищей индейской резервации, а затем набраться смелости и уйти оттуда в школу для белых, чтобы стать кем-то больше, чем бедный индейский мальчишка. За этот честный, полный горького юмора и надежды роман Шерман Алекси получил мировое признание и Национальную книжную премию США в номинации «Детская литература» 2007 года.

ISBN 978-5-00167-181-7

© Алекси Ш., 2007

© Самокат, 2007

Содержание

Клуб «Синяк месяца»	6
Почему для меня так важен цыпленок	10
Мечь – мое второе имя	15
Потому что геометрия – не какая-то страна неподалеку от Франции	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Шерман Алекси Абсолютно правдивый дневник индейца на полдня

© The Absolutely True Diary of a Part-Time Indian
Text copyright © 2007 by Sherman Alexie
Illustrations copyright © 2007 by Ellen Forney. All rights reserved.

© Крупская Д., перевод на русский язык, 2021
© Издание на русском языке. ООО «Издательский дом «Самокат», 2021.
Моим родным городкам Уэллпичиту и Риардану

Иной мир есть, но он находится в этом.
У. Б. Йейтс

Клуб «Синяк месяца»

Я родился с водой в мозгу.

Ну ладно, не совсем так, конечно. Вообще-то при рождении у меня оказалось слишком много спинномозговой жидкости в голове. Эдак замысловато – спинномозговой жидкостью – доктора называют смазку для мозга. Мозговой жир работает внутри черепной коробки наподобие того, как машинная смазка работает в двигателе. В двигателе она нужна, чтобы все детали бегали быстро и без запинки. Но у меня – дикость, да? – со смазкой случился перебор, отчего голова стала разбухшей, отекающей, уродливой и тормозила со страшной силой. Смазка буквально затопила мотор, который производил во мне думанье, дыхание и жизнь.

Мой мозг тонул в жиру.

Сам слышу – звучит дико и ржачно, будто у меня в башке гигантская фритюрница. Гораздо более серьезно, поэтично и точно звучит «Я родился с водой в мозгу».

Ну ладно, может, и это не слишком серьезно прозвучало. Может, вся эта история и впрямь дичь и ржака.

Но божьей, было ли так уж смешно моим папе и маме, старшей сестре, бабушке и кузенам, моим тетушкам и дядюшкам, когда врачи вскрыли мне черепушку и отсосали лишнюю воду чем-то вроде крошечного пылесоса?

Мне тогда было полгода от роду, и по всему я должен был отдать концы во время операции. Предполагалось, что если я и переживу знакомство с мини-пылесосом, то мозг мой серьезно пострадает во время процедуры и остаток жизни я проведу овощем.

Думаю, вы догадались: операцию я пережил. Иначе кто бы это всё писал, да? Но зато физических проблем у меня пруд пруди, и все они – результат повреждения мозга.

Во-первых, во мне выросло сорок два зуба. Типичный человек имеет тридцать два, верно? А у меня сорок два.

На десять больше, чем обычно.

На десять больше, чем норма.

На десять больше, чем у человека.

Я был настолько зубаст, что рот с трудом закрывался. Сходил как-то в Службу здравоохранения индейцев, чтоб выдрали часть и я мог есть как человек, а не какой-нибудь слюнявый стервятник. Но служба эта финансировала нам обращение по поводу стоматологических работ только раз в году, поэтому все десять лишних зубов мне пришлось выдрать *в один день*.

Вдобавок наш белый дантист верил, что у индейцев чувствительность к боли вдвое меньше, чем у белых, и по этой причине вколол мне только половинную дозу новокаина.

Ну не тварь, а?

Служба здравоохранения и очки индейцам выдает только один раз в году, причем исключительно в мерзкой толстой черной оправе.

Мой поврежденный мозг устроил мне близорукость на одном глазу и дальновзоркость на другом, так что мои уродские очки вышли еще и кривобокими, ну, как и глаза, собственно.

И головные боли меня мучили из-за того, что глаза у меня как два врага, как двое супругов, которые когда-то любили друг друга, а теперь на дух не переносят.

Очки я начал носить в три и бегал по резервации, как трехлетний индейский *дедуля*.

Да, и я был тощим. Боком повернусь – исчезну.

А руки и ноги огромные. В третьем классе лапа была 43 размера! С эдакими лапами и туловищем шириной с карандаш я сильно напоминал заглавную букву *L*.

Плюс огромная голова.

Гигантская!

Голова моя была такой большой, что головы других детей-индейцев казались просто спутниками на ее орбите. Некоторые так меня и называли: Земля. А другие звали Глобусом. Хулиганы ловили меня, раскручивали, тыкали пальцем в черепушку и говорили: «Хочу сюда».

Так что выглядел я, сами понимаете, нелепейше, однако гораздо хуже было то, чего не видно снаружи.

Во-первых, меня донимали эпилептические припадки. Как минимум дважды в неделю. Так что я наносил вред своему мозгу на регулярной основе. Забавно, что припадки-то случались именно оттого, что мозг *уже* был поврежден и каждый следующий приступ травмировал его по новой.

Ага, я наносил *вред своему повреждению*.

У меня уже семь лет не случалось эпилептических припадков, но врачи говорят, я «предрасположен к судорожной активности».

Предрасположен к судорожной активности.

Как звучит, а! Стихи прям!

Еще я заикаюсь и шепелявлю. Или, может, надо иначе выразиться – зззззаикаюсь и ссс-сепеляфлю?

Вроде бы речевые дефекты не угрожают жизни, но уж поверьте: нет ничего опасней, чем быть ребенком с заиканием и шепелявостью.

Пятилетний шепелявый заика даже мил. Большинство детей-актеров проложили себе путь к звездной славе именно шепелявя и заикаясь.

Божьимой, да в шести-, семи- и даже восьмилетнем возрасте это всё еще почти мило, но не в девять, и уж совсем не в десять.

И в конце концов, эти дефекты превращают тебя в тормоза.

Если тебе четырнадцать, как мне сейчас, и ты всё еще шепелявишь и заикаешься, то становишься самым тормознутым тормозом в мире.

В резервации меня называют тормозом пару раз на дню. Они называют меня тормозом, когда сдергивают с меня штаны, или пихают головой в унитаз, или просто отвешивают щелбан по макушке.

Я пишу эти строки вовсе не так, как говорю на самом деле, иначе пришлось бы наполнить текст заиканием и шепелявостью, и тогда вы наверняка подумали бы: и на фиг я читаю рассказ, написанный *таким тормозом*.

Знаете, что бывает с тормозами в резервации?

Нас колошматят.

Примерно раз в месяц.

Ага, я член клуба «Синяк месяца».

Конечно, я хочу гулять. Все дети хотят. Но безопасней сидеть дома. Поэтому я торчу в своей комнате, читаю и рисую картинки.

Вот такие, к примеру.

Рисую я постоянно.

Рисую карикатуры на маму, папу, на сестру и бабушку, на лучшего друга Рауди¹ и на всех обитателей резервации.

Рисую, потому что слова слишком непредсказуемы.

Рисую, потому что слова слишком ограничены.

Если ты говоришь на английском, испанском, китайском или любом другом языке, тогда тебя поймет только определенный процент человеческих существ.

Но рисуй – и тебя поймет каждый.

Если я нарисую цветок, то любой мужчина, женщина или ребенок в любой точке планеты взглянет и скажет: «Это цветок».

¹ Rowdy – (англ.) буян, скандалист, хулиган, бузотер, бандюган, шумный, разнузданный, упрямый, грубый, скандальный, головорез, громила, беспредельщик, отморозок. – *Здесь и далее – примеч. перев.*

Я рисую, потому что хочу говорить с миром. И хочу, чтобы мир меня слушал.

С карандашом в руке я чувствую себя важным. Как будто я могу вырасти и стать кем-то важным. Творческой личностью. Может, известной творческой личностью. Может, богатой творческой личностью.

Для меня это возможность стать богатым и известным.

Вы только поглядите на мир. Почти все богатые и известные не-белые – это творческие личности. Певцы, актеры, писатели, танцоры, режиссеры, поэты.

Так что я рисую, потому что для меня это единственный реальный шанс вырваться из резервации.

Сдается мне, что мир – сплошная череда прорвавшихся дамб и потоков, а мои рисунки – крошечные спасательные шлюпки.

Почему для меня так важен цыпленок

Ладно, теперь вы знаете, что я рисовальщик. И, кажись, неплохой. Однако, как бы хорош я ни был, рисунки никогда не заменят еду или деньги. А здорово было бы: нарисовал бутер с шоколадной пастой и вареньем или кулак, полный двадцатидолларовых купюр, потом дунул-плюнул – и нате вам, всё стало настоящим. Но так я не умею. Да и никто не сумеет, даже самый голодный на свете волшебник.

Вот бы я был волшебником... Но я всего-навсего голодранец, живущий со своей голодранской семьей в голодранской индейской резервации Спокан².

Знаете, что самое поганое в нищете? Ах, не знаете? Ну так произведите в голове простое действие.

Бедность = пустой холодильник + пустой желудок

Случались дни, когда есть вообще было нечего и вместо обеда мы спали, но рано или поздно родители радостно врывались в дом с коробкой Кентуккийского жареного цыпленка из KFC³.

Оригинальный рецепт.

Знаете, еда становится невероятно вкусной, когда ты голоден! Нет ничего восхитительней куриной ножки, если ты не ел часов эдак восемнадцать с половиной. И, поверьте мне, славная куриная ножка может кого угодно заставить уверовать в существование Бога.

Так что голод – не самое паршивое в бедности.

² Индейская резервация Спокан находится в штате Вашингтон. Здесь проживают 600 человек из 1500 членов этой резервационной общины племени спокан. Существует с 1881 года.

³ KFC – это и есть аббревиатура Кентуккийского жареного цыпленка, Kentucky Fried Chicken.

А теперь, спорим, вы спрашиваете меня: «Ладно-ладно, мистер Голодный Художник, мистер Слов-полон-рот, мистер Горе-мне-горе, мистер Секретный Рецепт, что же в бедности самое паршивое?»

Хорошо, скажу вам, что самое паршивое.

На прошлой неделе мой лучший друг Оскар заболел. Сперва я подумал, что это тепловой удар. День был июльский, жаркий до чертиков (под 40 градусов при 90-процентной влажности), и многие люди теряли сознание от перегрева. Почему бы и маленькой собачке в меховой шубе не получить тепловой удар?

Я попытался дать ему воды, но он не хотел пить.

Лежал на кровати, смотрел красными, слезящимися глазами. Поскуливал от боли. Тронешь его – визжит как резаный.

Как будто все его нервные окончания торчали на пару сантиметров наружу.

Я подумал – ладно, пусть отдохнет, но потом его начало тошнить, и понос пробил, и начался припадок, его маленькие лапки дергались, и дергались, и дергались целую вечность.

Оскар, конечно, всего лишь приبلудная бездомная шавка, но это – единственное живое существо, на которое я мог положиться. Он был мне больше другом, чем мои родичи, бабушка, тети и дяди, кузены и старшая сестра. Еще он был мне учителем получше прочих учителей.

Если честно, Оскар был лучше любого человека.

– Мам, – говорю, – нужно отвезти Оскара к ветеринару.

– Он поправится, – ответила она.

Но она лгала. Когда она врет, глаза у нее всегда темнеют в середине. Она была индейцем спокан, а значит, никудышным лжецом. Что совершенно некстати, потому что нам, индейцам, нужно уметь хорошенько врать, учитывая, сколько врут нам самим.

– Ему очень плохо, мам. Он умрет, если не отвезем его к врачу.

Она пристально смотрела на меня, и в этот раз ее глаза не потемнели, так что я понял: она собирается сказать мне правду. И уж поверьте, бывают моменты, когда ты меньше всего хочешь услышать правду.

– Младший, дорогой мой, – сказала мама. – Мне очень-очень жаль, но у нас нет денег на Оскара.

– Я тебе всё отдам, – говорю. – Честно.

– Милый, это обойдется в сотни долларов, если не в тысячу.

– Я отдам врачу. Найду работу и отдам.

Мама грустно улыбнулась и обняла меня, крепко-крепко.

Божьимой, что за дичь я нес? Какую работу может найти в резервации индейский мальчишка? Делать ставки в казино мне не позволят по возрасту, а лужаек с зеленой травой у нас тут не больше пятнадцати (и ни одному хозяину такой лужайки не придет в голову нанимать кого-то, чтобы ее постричь), а газеты у нас разносит сам старейшина племени, Уолли. Он доставляет пятьдесят газет, так что эта работа для него типа хобби.

Я ничего не мог сделать, чтобы спасти Оскара.

Ничего.

Ничего.

Ничего.

Несколько часов я пролежал на полу рядом с ним, гладил по голове и шептал его имя. Потом вернулся папа (уж не знаю откуда), и они с мамой имели долгий разговор – один из тех, когда что-то решают без тебя.

А потом папа достал из шкафа ружье и патроны.

– Младший, – сказал он, – выноси Оскара во двор.

– Нет! – завопил я.

– Он страдает. Нужно помочь ему.

– Я тебе не дам это сделать! – крикнул я.

Я хотел ударить папу кулаком в лицо. Прямо в нос, чтоб кровь хлынула. Хотел ударить его в глаз, чтоб он ослеп. Хотел ударить его по яйцам, чтоб он сдох.

Во мне бушевал пожар ярости. Торнадо ярости. Цунами ярости.

Папа смотрел на меня сверху с такой грустью в глазах! Он плакал. Он казался слабым.

Я хотел ненавидеть его за слабость.

Я хотел ненавидеть маму и папу за нашу бедность.

Я хотел обвинить их в болезни моей собаки и во всех болезнях на свете.

Но я не мог винить родителей за нашу бедность, потому что мама и папа – два солнца-близнеца, вокруг которых я вращаюсь, и без них мой мир ВЗОРВАЛСЯ бы.

Не подумайте, что мои мама и папа родом из богатой семьи и проиграли всё свое наследство. Мои родители из бедных, которые были из бедных, которые были из бедных, и так далее – к самым первым бедным на земле.

Адам с Евой прикрывали наготу фиговыми листьями, а первые индейцы прикрывали наготу руками.

Нет, серьезно, я знаю, что в детстве мама с папой о чем-то мечтали. Мечтали явно не о том, чтобы стать бедными, но у них не было возможности стать кем-то другими, потому что на их мечты просто не обращали внимания.

Если бы маме выпал шанс, она пошла бы в колледж.

Она и сейчас читает как заведенная. Покупает подержанные книги по фунту. И помнит все, что прочла. Может целые страницы воспроизвести по памяти. Человек-магнитофон. Клянусь, мама может пятнадцать минут потратить на чтение газеты, после чего рассказать о рей-

тингах бейсбольных команд, в каких местах идут войны, назвать последнего, кто выиграл в лотерею, и температуру в городе Де-Мойн, штат Айова.

Если бы папе выпал шанс, он стал бы музыкантом.

Когда напьется, он распевает старые песни в стиле кантри. И блюз. У него хороший голос. Как у профи. Как у тех, кто по радио выступает. Он играет на гитаре и немного на пианино. И со школьных времен хранит старый саксофон, начищает его и полирует, словно ждет, что в любой момент его могут пригласить в джаз-группу.

Но мы, индейцы из резервации, не осуществляем свои мечты. Нам не дают шанса. И выбора не дают. Мы просто бедные. Бедные, и больше никто.

Быть бедным паршиво, и паршиво чувствовать, что этой бедности ты заслуживаешь. Начинаешь думать, что бедный ты, оттого что тупой или уродливый. А потом ты начинаешь верить, что ты тупой и уродливый, потому что индеец. А оттого что ты индеец, ты начинаешь верить, что твоя судьба – быть бедным. Замкнутый круг, черт его дери, и с этим *ничего нельзя поделать*.

Бедность не дает силы, не учит настойчивости и терпению. Единственное, чему учит бедность, – это как быть бедным.

И вот, бедный, маленький и слабый, я взял Оскара на руки. Он лизнул мне лицо, потому что любил меня и доверял. А я вынес его на лужайку и положил под яблоней.

– Я тебя люблю, Оскар, – сказал я.

Оскар посмотрел на меня, и, могу поклясться, он понял, что происходит. Понял, что собирается сделать папа. Но не испугался. Он явно испытал облегчение.

А я вот нет.

Я побежал прочь со всех ног.

Я хотел бы побежать быстрее звука, но на это никто не способен, как бы ни было внутри больно. Поэтому я услышал выстрел папиного ружья, когда он застрелил моего лучшего друга.

Патроны-то всего пару центов стоят, их любой может себе позволить.

Месть – мое второе имя

После смерти Оскара мне было так погано, что хотелось заползти в какую-нибудь нору и больше не вылезать. Но Рауди отговорил.

– Думаешь, кто-нибудь заметит, что ты пропал? – хмыкнул он. – Ну так выкинь это из башки.

Жестко, но справедливо.

Рауди – самый крутой пацан в резервации. Длинный, худой, сильный – змея змеей.

И сердце у него сильное и злобное, как у змеи.

Но он мой лучший друг, ему на меня не наплевать, поэтому он всегда говорит мне правду.

Конечно, прав он. Исчезни я с лица Земли – никто скучать не станет.

Вообще-то, Рауди будет по мне скучать, однако нипочем не признается в этом. Слишком он крут, чтоб нюни распускать.

Но кроме Рауди, родителей, сестры и бабушки – никто.

Я для резервации ноль без палочки. Отними от ноля ноль, всё равно ноль останется. Так какой смысл отнимать, если ответ не меняется?

И я выкинул это из башки.

К тому же у Рауди это было худшее лето в жизни.

Папаша у Рауди крепко пьет и крепко бьет, так что Рауди и его мать вечно ходят в побоях.

– Это боевая раскраска, – говорит Рауди. – Так я еще круче выгляжу.

Наверное, он и впрямь так считал, потому что Рауди никогда не прятал следы побоев – так и расхаживал по резервации с синяком под глазом и рассеченной губой.

Сегодня утром он зашел, хромя, с трудом доковылял до кресла, плюхнулся в него, задрал ногу с распухшим коленом на столик и ухмыльнулся.

На левом ухе у него красовалась повязка.

– Что у тебя с головой? – спрашиваю.

– Отец сказал, что я не слушаю, – хмыкнул Рауди. – Поэтому нахрюкался и попытался сделать мое ухо побольше.

Мои мама с папой тоже пьяницы, но не злобствуют, как его отец. Они вообще беззлобные. Иногда не обращают на меня внимания. Иногда орут. Но никогда-преникогда, никогда-преникогда меня не били. Даже не шлепнули ни разу. Seriously. Порой прям видно, как маме хочется размахнуться и дать мне шлепка, но отец этого не допустит.

Он против физических наказаний – нет, он не по этой части. Он по части ледяных взглядов, превращающих меня в твердый, промерзший насквозь кубик льда.

Мой дом – безопасное место, поэтому Рауди почти всё время проводит с нами. Он как член семьи, еще один брат и сын.

– Пойдем на пау-вау⁴? – спросил Рауди.

– Не-е-е, – говорю.

Племя спокан проводит ежегодный праздничный сбор во время каникул на День труда. Это будет сто двадцать седьмой раз – с песнями, боевыми танцами, азартными играми, с рассказами всяких историй, хохотом, жареным на костре хлебом, гамбургерами, хот-догами, со всякими художествами и поделками и широкомасштабным пьяным дебошем.

Ничего из этого меня не привлекало.

⁴ Пау-вау – собрание коренных американцев, от слова *powwow*, значащего «духовный лидер». Современный пау-вау – специфическое мероприятие, на котором собираются танцевать, петь, общаться, обсуждать культуру, там проходят танцевальные соревнования, зачастую с денежными призами. Праздник может длиться от нескольких часов до трех дней.

Нет, танцы и пение – это, конечно, здорово. Очень даже красиво, но меня пугают все прочие индейцы – те, что не-певцы и не-танцоры. Те лишённые слуха, голоса и таланта индейцы, которые нахрюкаются до потери мозгов и колотят всех подвернувшихся под руку слабаков.

А я как раз тот самый слабак, что вечно подворачивается под руку.

– Ну пойдем, – сказал Рауди, – я тебя не дам в обиду.

Он знал, что я боюсь побоев. И знал, что ему, как всегда, придется за меня драться.

Рауди защищал меня с рождения.

Нас обоих вытолкнули в мир 5 ноября 1992 года в госпитале Святого сердца в Спокане. Я на два часа старше Рауди. Я родился весь переломанный и перекрученный, а он родился психом.

Он всё время плакал, вопил, пинался и дрался. Кусал материнскую грудь, когда она пыталась его кормить. Кусал, пока она не сдалась и не перевела его на молочные смеси.

И с тех пор он не особо изменился.

Нет, в свои четырнадцать он, ясное дело, не бегаёт по округе, чтобы кусать женщин за грудь, но зато дерётся, пинается и плюется.

Драку он впервые затеял в детском саду. Набросился на трех первоклассников, когда играли в снежки, потому что один из них кидался ледышками. Рауди быстро их побил.

А потом побил учителя, который хотел остановить драку.

Ну, не прям вот избил, учителя-то, но разозлил жутко.

– Да что с тобой не так? – заорал тот.

– Всё не так! – заорал в ответ Рауди.

Рауди со всеми дрался.

С мальчишками и девчонками.

С мужчинами и женщинами.

С бродячими собаками.

Да черт, даже с погодой он дрался.

Лупил кулаками дождь.

Нет, честно.

– Ну давай, тюфяк, сходим на пау-вау, – сказал Рауди. – Нельзя же вечно прятаться в четырех стенах. А то скоро в тролля превратишься или еще в кого.

– А если до меня докопаются? – спрашиваю.

– Тогда я до них докопаюсь.

– А если кто-нибудь засунет мне палец в ноздрю?

– Я тогда тебе во вторую засуну, – сказал Рауди.

– Ты мой герой, – говорю.

– Пойдем на пау-вау, – попросил Рауди. – Пожалуйста.

Эх, когда Рауди становится вежливым, мне крыть нечем.

– Ладно, так и быть.

И мы протопали несколько километров до места проведения пау-вау. Стемнело, часов восемь было, наверно, и барабанщики с певцами уже разогрелись, распелись и были прекрасны.

Я разволновался. Ну и подмерзать начал.

На пау-вау днем дьявольски жарко, а вечером чертовски холодно.

– Надо было куртку надеть, – говорю.

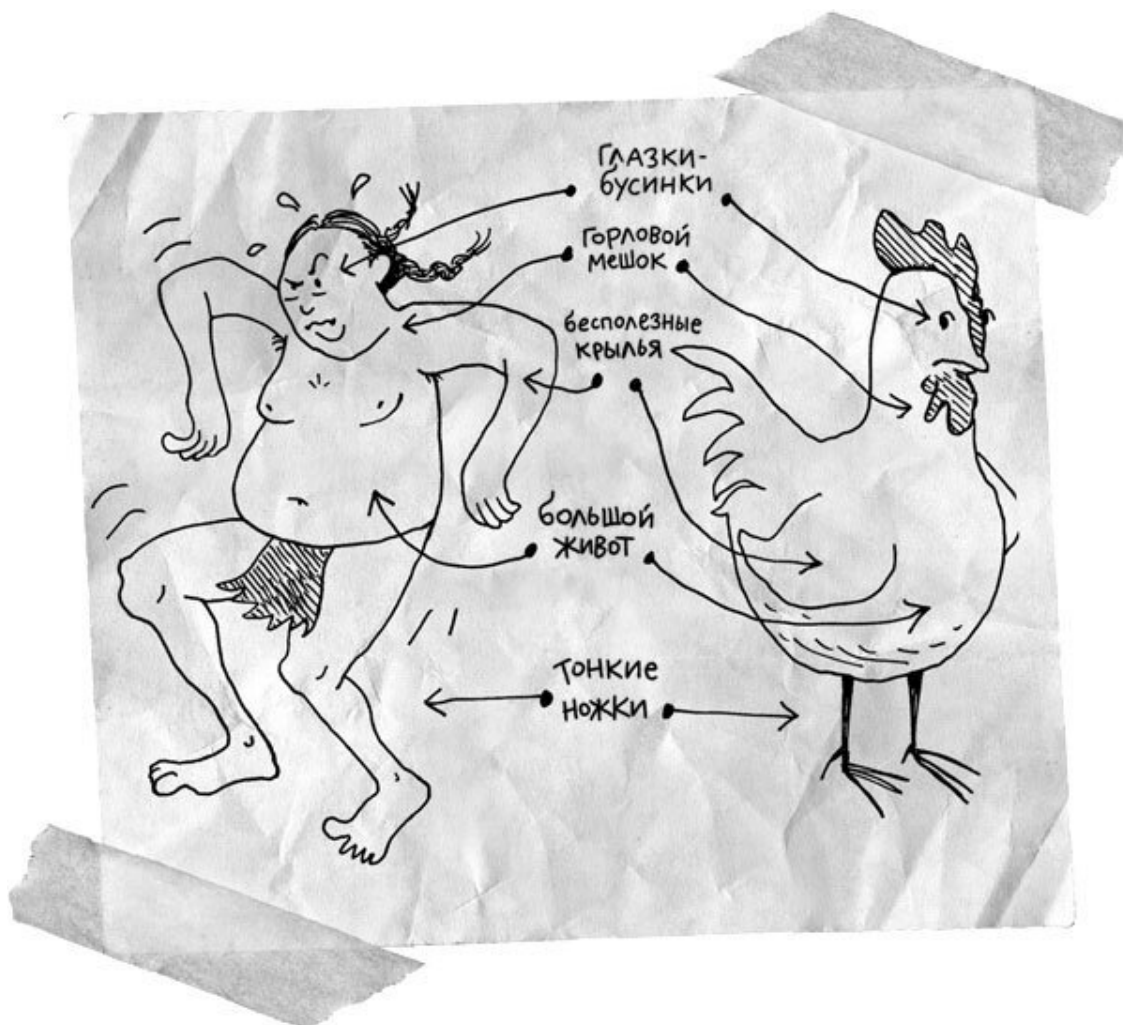
– Не ной, – сказал Рауди.

– Пошли посмотрим куриных танцоров⁵.

⁵ Исполнители «птичьих» танцев имитируют движения птиц и носят красочные костюмы с перьями.

Не знаю, нравятся мне куриные танцоры, они танцуют так похоже на кур! А вы уже в курсе, что к курам я питаю слабость.

– Хрень-скукотень. – Рауди сморщился.

– Мы немного поглядим, потом пойдем играть в карты или еще чего, – говорю.

– Ладно, – вздохнул Рауди, единственный человек, который меня слушает.

Мы прошли мимо припаркованных легковушек, грузовиков, джипов, домиков на колесах, тентов и вигвамов.

– Слышь, давай купим контрабандного виски, – предложил Рауди. – У меня есть пять баксов.

– Не напивайся, а то станешь уродом.

– А я и так урод, – заржал Рауди.

Он споткнулся о стойку палатки и свалился на минивэн, стукнулся лицом о стекло и врезался плечом в зеркало заднего вида.

Получилось смешно, и я засмеялся.

Это было ошибкой.

Рауди взбесился.

Швырнул меня на землю и едва не пнул. Уже замахнулся ногой, но в последнюю секунду отдернул. Ясное дело, он хотел отомстить мне за смех. Но я его друг, лучший друг, единственный друг. Он не мог меня ударить. Поэтому схватил мусорный пакет, полный пустых бутылок из-под пива, и обрушил его на минивэн.

Во все стороны полетело битое стекло.

Потом Рауди схватил лопату, которую хозяева машины прихватили, чтобы закопать остатки от пикника, и набросился на этот минивэн. Вышиб из него весь дух.

Бам! Бум! Тыдыщ!

Сделал вмятину в двери, расколошматил окна и сбил зеркала.

Я испугался Рауди, испугался, что нас посадят в тюрьму за вандализм, и дал деру.

Это было ошибкой.

Прибежал я прямо в лагерь братьев Андрус. Андрусы – Джон, Джим и Джо – самая жестокая троица в истории нашей планеты.

– О, смотрите-ка, – сказал один из них. – Это ж Водяная Башка.

Ага, эти братцы издевались над моим мозговым повреждением. Очаровательно, правда?

– Не-а, не Водяная, – сказал другой братец. – Водородная.

Не знаю, кто из них это сказал. Я их не различаю. Я хотел удрать, но один из них схватил меня и швырнул другому. Они стали кидать меня друг другу, как мячик.

– Водопроводная.

– Водорасходная.

– Водонапорная.

– Водозаборная.

– Водолюбивая.

– Водоносная.

– Водопоносная.

Я упал. Один из них поднял меня, отряхнул от пыли и пнул коленом по яйцам.

Я снова упал, схватившись за пах и стараясь не заорать.

Братья Андрусы захохотали и пошли прочь.

Да, кстати, я говорил, что братьям Андрусам по тридцатнику?

Какой мужик вообще станет бить четырнадцатилетку?

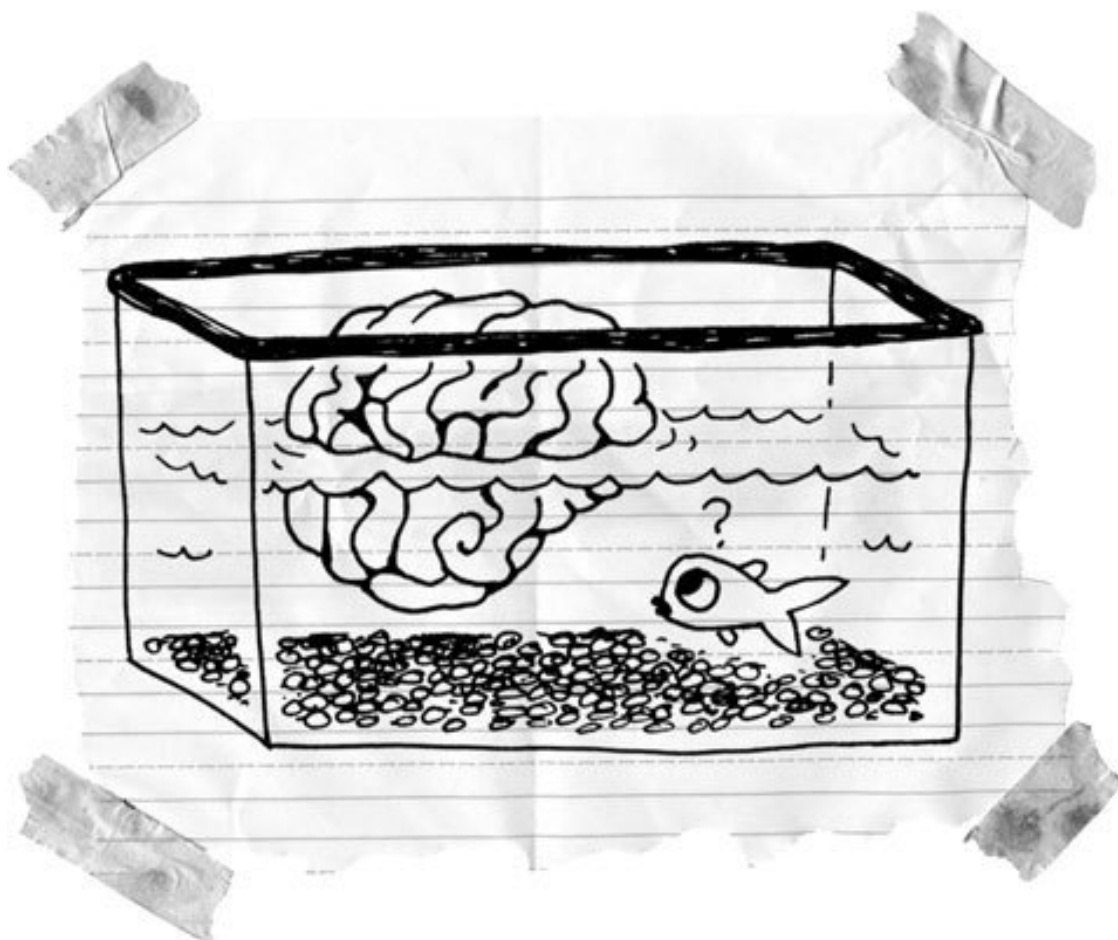
Перворазрядные засранцы.

Я лежал и держал свои орешки бережно, как белочка, когда подошел Рауди.

– Кто это сделал? – спросил он.

– Братья Андрусы, – проскрипел я.

– По голове били? – Рауди знал, какие нежные у меня мозги. Если бы братья Андрусы пробили мне дыру в черепе, я затопил бы весь пау-вау.

– С мозгами всё в порядке, – говорю. – А яйцам кранты.

– Убью подонков, – сказал Рауди.

Убить он их, конечно, не убил, но мы прятались возле лагеря Андрусов до трех утра. Они вернулись и задрыхли без задних ног. Тогда Рауди прокрался в палатку и сбрил им брови и отрезал косы.

Это худшее, что можно сделать индейцу, который годами отращивает волосы. А Рауди срезал их за пять секунд.

Ох как я был благодарен ему за это. И чувствовал вину за эту благодарность. Но месть всегда доставляет удовольствие.

Андрусы так и не узнали, кто избавил их от бровей и волос. Рауди распустил слух, что это сделали индейцы мака с побережья.

– Нельзя доверять китобоям, – сказал он. – Они на всё способны.

Но прежде чем вы решите, что Рауди годен лишь на то, чтобы мстить и лупить минивэны, дождь и людей, дайте-ка я скажу вам про него кое-что ужасно милое: он любит комиксы.

Но не про крутых супергероев вроде Сорвиголовы или людей Икс. Нет, он читает старые, совсем дурацкие, – «Ричи Рич», «Арчи», «Каспер – дружелюбное привидение». Детячьи. Хранит их в дыре в стенном шкафу у себя в комнате. Я почти каждый день заходил к нему, и мы вместе читали эти комиксы.

Рауди читает не слишком бегло, но он настойчивый. И хохочет, хохочет над этими дебильными шуточками, хоть и знает их уже наизусть.

Люблю, когда Рауди смеется. Нечасто приходится слышать подобный смех – обрушивается на тебя эдакая лавина из ха-ха, хо-хо и хи-хи.

Мне нравится его смешить. Он любит мои рисунки.

Он тоже большой и нелепый мечтатель, совсем как я. Ему нравится притворяться, что он живет в книжке комиксов. Наверное, такая воображаемая жизнь гораздо лучше настоящей.

Поэтому я рисую – чтобы сделать его счастливым, дать еще миров, где можно пожить. Я рисую его мечты.

Мечтами он только со мной делится. И я своими делюсь только с ним.

Рассказываю ему о том, чего боюсь.

Думаю, Рауди – самый важный человек в моей жизни. Важнее родных. Может лучший друг быть важнее родственников?

Думаю, да.

Я же провожу с ним гораздо больше времени, чем с любым человеком.

Давайте подсчитаем.

Наверное, мы с Рауди проводим вместе в сумме порядка восьми часов каждый день за последние четырнадцать лет.

Умножаем восемь часов на триста шестьдесят пять дней и на четырнадцать лет.

Значит, я провел в компании Рауди сорок тысяч восьмьсот восемьдесят часов.

К такой цифре вряд ли кто приблизится.

Уж поверьте.

Мы с Рауди нераздельны.

Потому что геометрия – не какая-то страна неподалеку от Франции

Мне было четырнадцать, и в тот день я впервые пошел в старшую школу⁶. И был по этому поводу счастлив. Особенно меня будоражила мысль о первом в моей жизни уроке геометрии.

Да, признаюсь, равнобедренные треугольники меня возбуждают.

Большинство парней, неважно какого возраста, больше фанатеют по изгибам и округлостям, но не я. Не поймите меня неправильно: мне нравятся девочки с их округлостями. Особенно женщины с еще более округлыми округлостями.

Я часами торчу в ванной с журналом, где тысячи фоток обнаженных кинозвезд:

Обнаженная женщина + правая рука = счастье, счастье, радость, радость⁷

Ага, всё прально. Должен признаться, что я дрочу.

Я горжусь этим.

Я хорош в этом.

Я свободно владею обеими руками.

Если бы в мире существовала Профессиональная лига мастурбаторов, клубы перекупали бы меня друг у друга за миллионы долларов.

Может, вы думаете: «Ну, братан, зачем же прилюдно говорить о мастурбации?»

Ну, черт, а я буду, буду об этом говорить, потому что ВСЕ это делают. И ВСЕМ это нравится.

А если бы Господь не хотел, чтобы мы дрочили, он не дал бы нам большой палец на руке.

Так что я благодарен Господу за свой большой палец.

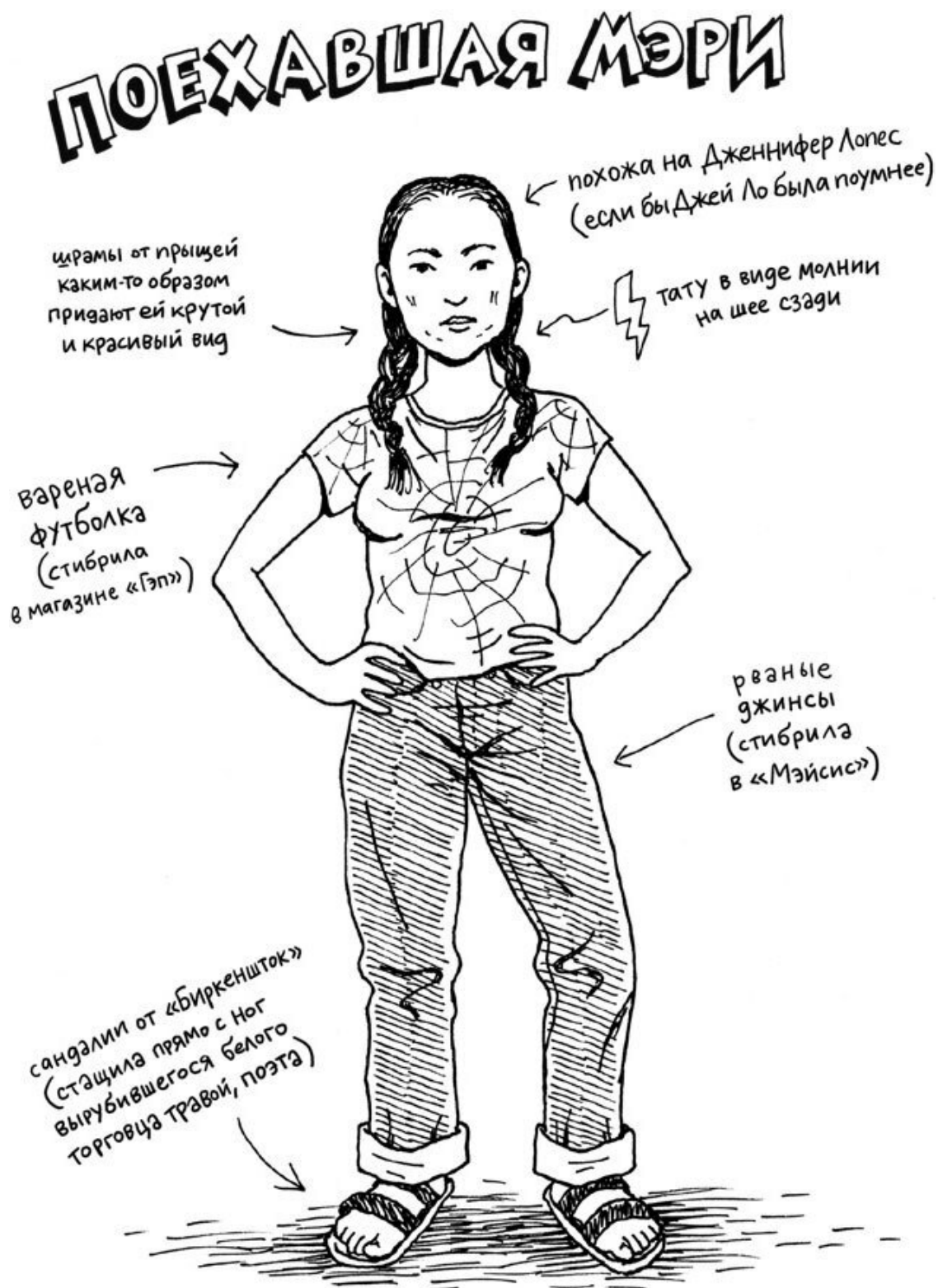
Однако дело в том, что сколько бы времени мы с моим большим пальцем ни проводили в компании округлостей воображаемых женщин, я гораздо больше фанател от прямых углов в помещении.

В детстве я заползал под кровать, чтобы притулиться в углу, и так засыпал. Чувствовал себя в тепле и безопасности, когда меня касались сразу две стены.

В восемь, девять и десять я спал в стенном шкафу с закрытой дверцей. Перестал, только когда моя старшая сестра Мэри сообщила, что таким образом я пытаюсь найти способ вернуться в материнскую утробу.

⁶ Старшая школа в Америке – с 9-го по 12-й классы.

⁷ Нарру, Нарру, Joy, Joy – песня из шоу Рена и Стимпи, одного из самых популярных в 1990-х годах на американском телевидении.

Это испортило мне всё удовольствие от пребывания в шкафу.

Не поймите меня превратно. Я ничего не имею против утробы моей матери. Меня же там создали, в конце концов. Я стопроцентно за утробу. Но что до переезда обратно, в «родные пенаты», тут у меня нулевой интерес, если можно так выразиться.

Моя сестрица профи в том, чтобы всё портить.

После окончания школы сестра впала в анабиоз. Ни в колледж не пошла, ни работать. Вообще ничего не стала делать. Типа депрессии, видать.

Но еще она красивая, и сильная, и забавная. Она самый красивый, сильный и забавный человек из тех, кто проводит двадцать три часа кряду в одиночестве в подвале.

Она такая психованная и непредсказуемая, что мы прозвали ее Поехавшей Мэри. Я совсем на нее непохож. Я спокойный. И жить мне нравится, очень.

И школа нравится.

Мы с Рауди надеемся попасть в баскетбольную команду старшей школы. В прошлом году мы вдвоем стали лучшими игроками среди восьмых классов. Но в старшей школе вряд ли получится.

Рауди, может, и подойдет играть в такой команде, но меня ребята покрупнее и покрепче просто сомнут. Одно дело – отразить прыжок восьмиклассника, и совсем другое – устоять перед напором монстров-старшекласников.

Может, моя судьба – торчать на скамейке запасных третьего состава, а Рауди будет стяжать все почести и славу.

Немного опасаясь, что Рауди задружится с парнями постарше, а меня забросит.

А еще беспокоюсь, как бы он тоже не начал меня дразнить.

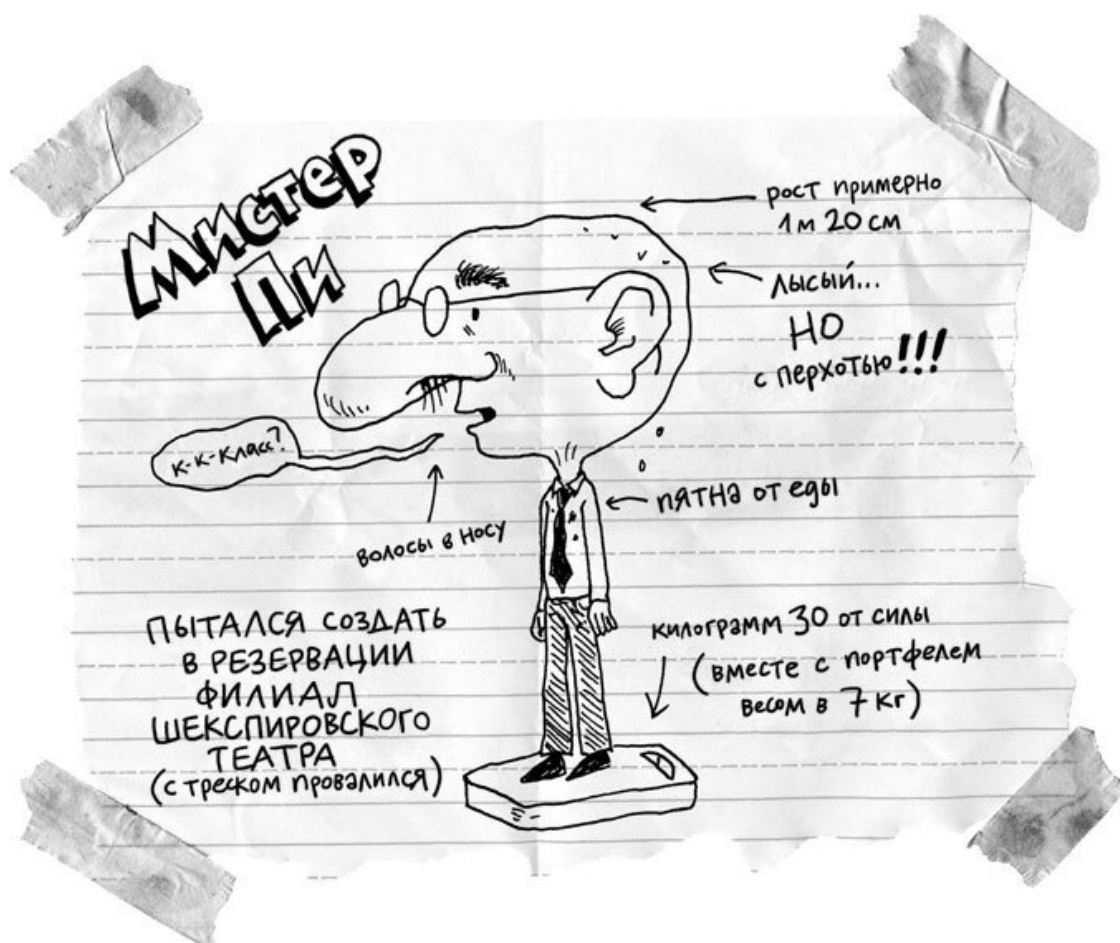
И самая жуткая мысль: вдруг Рауди возненавидит меня, как все остальные!

Но боюсь я меньше, чем радуюсь.

Знаю, что меня поднимут на смех, узнав, как я люблю школу. Но плевать.

Сажу я, значит, в кабинете девятого класса, и тут входит запыхавшийся мистер Пи с коробкой, полной учебников по геометрии.

Надо вам сказать, на вид мистер Пи ну о-о-очень странный дядька.

И ладно бы только на вид. Самое странное в мистере Пи – то, что иногда он забывает прийти в школу.

Позвольте повторюсь: МИСТЕР ПИ ИНОГДА ЗАБЫВАЕТ ПРИЙТИ В ШКОЛУ!

Ага, приходится посылать кого-нибудь из детей в учительский кампус позади здания школы, чтобы разбудить мистера Пи, который как обычно снова вырубился перед телевизором.

Случается, мистер Пи является на урок в *пижаме*.

Короче, шляпа шляпой, но пацаны до него почти не докапываются, поскольку и он с нас много не спрашивает. И то, разве можно ждать от своих учеников усердия, если являешься перед ними в тапочках и пижаме?

И да, я понимаю, что это необычно, но в нашем племени учителей размещают в однокомнатных коттеджах и старых трейлерах позади школы. Нельзя преподавать в нашей школе, если не живешь в кампусе. Будто это какая-то исправительно-трудовая колония для наших белых либеральных добродетелей-вегетарианцев и белых консервативных спасителей-миссионеров.

Некоторые учителя заставляют нас есть птичий корм, чтобы мы почувствовали себя ближе к земле-матушке, а другие ненавидят птиц, считая их прислужниками дьявола. Это примерно как если бы вас учили Джекил и Хайд⁸.

Но мистер Пи не какой-нибудь двинутый поклонник демократов, республиканцев, христиан или самого дьявола. Он просто *тютя*.

Однако находятся такие, кто считает, что он типа должен дать показания против мафии и подлежит программе защиты свидетелей вроде того сицилийского бухгалтера, поэтому его тут прячут.

Ну не знаю.

С одной стороны, конечно, если правительству занудилось кого-нибудь спрятать, то наша резервация – это самый край географии, миллион километров к северу от Чего-либо Значимого и два триллиона километров к западу от Счастья. Но божьей, может, не стоит так серьезно относиться к сериалу про клан Сопрано?

По мне – так мистер Пи просто одинокий старик, который прежде был одиноким юношей. И по какой-то непонятной для меня причине одиноких белых тянет к еще более одиноким индейцам.

– Так, дети, за дело, – сказал мистер Пи, передавая по рядам учебники по геометрии. – Как насчет сделать нечто странное и начать со страницы один?

Я схватил учебник и открыл.

Мне хотелось его понюхать.

Черт, мне хотелось поцеловать его.

Да, поцеловать.

Ага, прально, я целую книги.

Может, это какой-то вид извращения, а может, показатель романтизма и высокого уровня *интеллигентности*.

И я потянулся было уже губами, но остановился, увидев надпись на внутренней стороне обложки:

УЧЕБНИК АГНЕС АДАМС

⁸ «Джекил и Хайд» – фильмы, снятые по фантастической новелле «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» Роберта Льюиса Стивенсона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.